

**КУРС КНР в ЮВА и ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ: ДАНЬ
ТРАДИЦИИ или ОТВЕТ на ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ?**

Политика Китая в Юго-Восточной Азии и Южно-Китайском море (ЮКМ) как ее части, давно занимает умы ученых разных стран.

При этом отмечалось, что после возникновения КНР страны ЮВА, почти одновременно освободившиеся от колониального господства, не торопились брать КНР в качестве «модели» для своего дальнейшего развития и не признавали КНР как своего верховного и естественного лидера, и отношения стран ЮВА с Китаем складывались по-разному¹. Специалисты-востоковеды, как правило, подчеркивали, что корни современной политики Китая уходят в далекое прошлое его взаимоотношений со странами региона.

Говоря о политике КНР в ЮВА, большинство авторов не упускали случая упомянуть о древней китайской даннической системе, с помощью которой Срединная империя якобы стремилась доминировать в Юго-Восточной Азии.

«Как хорошо известно, писал Люсьен Пай, китайцы исторически думали о себе как центре цивилизованного мира и верили, что все «варварские» народы наперебой стремились попасть под благословение их августейшего императорского двора, который был мотором даннической системы. Жители ЮВА, за исключением «синизированных» вьетнамцев, смотрели на отношения с Китаем несколько иначе. Хотя некоторые из этих королевств периодически посылали даннические миссии к Ханьскому двору, правители ЮВА никогда в такой степени не чувствовали себя в зависимости от Китая, как там полагали. С ранних пор ювасцы, живя на естественных морских путях, представляли себе мир многополярным, и были ближе к другим цивилизациям, нежели китайская².»

Все в этом высказывании известного и в высшей степени компетентного ученого востоковеда верно, кроме утверждения, что в самом Китае всерьез относились к даннической системе

как обязательной форме покорности.

Это, по меньшей мере, спорно, когда речь идет о странах ЮВА, в той ее части что называлась южными морями. Данническая форма отношений Китая со странами ЮВА носила скорее символический, номинальный характер.

И о той или иной стране ЮВА региона Южных морей при императорском дворе вспоминали лишь тогда, когда там действительно появлялся ее представитель с дарами.

Как правило, «данник» в ответ получал более щедрые подарки, не требовавшие никаких обязательств перед «сюзереном».

О видимости вассального подчинения стран Южных морей Китаю эпохи Мин и в то же время чрезмерной «назойливости» иноземных послов, прибывавших к китайскому двору чаще, чем их там желали видеть, убедительно писал российский китаевед А.А. Бокщанин³.

Правомерно в данном контексте А.А. Бокщанин рассматривает указанный обмен дарами как своеобразную форму торговли, в которой китайская сторона чаще оставалась в проигрыше.

Что касается политики самого Китая, то на Западе одно время широкое распространение получило мнение о его вековом стремлении к изоляции от зарубежных стран. Такой точки зрения придерживался известный французский синолог XIX в А. Ремюза. И только значительно позже ученые стали говорить об отношениях Китая и других стран как двустороннем процессе, где главное место отводилось торговле⁴.

Особое место в этой системе отношений занимал Вьетнам, где, например, в эпоху Цин институт дани был «умным и экономичным средством обращения с приграничной страной, которую считалось непрактичным контролировать непосредственно, но было необходимо удерживать в сфере китайского влияния. Для Вьетнама это был способ сохранить независимость и избегать вмешательства в его внутренние дела»⁵.

Известно, что в годы правления Мао Цзэдуна, особенно в 60-70гг. Китай поддерживал революционные движения в странах ЮВА, и делал это весьма избирательно. Особенностью китайской внешней политики тех лет было то, что, поддерживая

повстанцев, в некоторых странах ЮВА, Китай продолжал сохранять нормальные межгосударственные отношения со странами, против которых вел подрывную работу, из-за чего исследователи назвали его внешней политикой тех лет дихотомной⁶.

Какая историческая память какой «генетический код», какие традиции питали такую политику нового Китая? Историческая память как фактор китайской внешней политики на том этапе едва ли играла сколько-нибудь заметную роль, теснимая обстоятельствами принципиально новой международной обстановки, другой эпохи. Скорее политика Пекина определялась тем, как в тот момент понимала национальные интересы правящая элита Китая, точнее те, кто принимал окончательные политические решения⁷. Именно в эти годы в регионе ЮВА сложилось понятие «китайская угроза», что однако, не помешало Вашингтону пойти на откровенное сближение с КНР, что и было зафиксировано в известном Шанхайском коммюнике в 1972 г., подписанном Президентом Никсоном и Чжоу Эньлаем.

Таким образом, учитывая разное отношение разных стран ЮВА в разное время к Китаю и неодинаковое отношение самого Китая к этим странам, давать какие-либо унифицированные категоричные характеристики этим отношениям едва ли правильно. Тем более неправомерно искать в древних временах адекватные ответы на те или иные внешнеполитические акции современного Китая в ЮВА, ссылаясь на историческую память народа.

Тем не менее в наши дни в связи с возрастанием роли Китая в мировой политике, ученые, обращаясь к принятому тезису об экспансионизме Китая, объясняют его, в частности, генетическим представлением о других странах и народах региона как «варварской периферии», которую необходимо подчинить⁸.

Не оспаривая самой мысли об очевидном стремлении современного Китая расширить и утвердить свое влияние в ЮВА и Южно-китайском море (ЮКМ), позволим себе не согласиться с теми, кто считает чуть ли не главным побудительным мотивом самоутверждения современного Китая в ЮВА сложившееся в древности представление о регионе как месте проживания подвассальных Китаю народов, которое якобы и стало тем «кодом», который диктует Китаю путь продвижения на Юг с це-

люю их подчинения. Если этот мотив и присутствует как элемент исторической памяти в политике Китая в ЮВА и ЮКМ, сегодня, едва ли он имеет сколько-нибудь самостоятельную значимую роль, уступая место другим, более значимым моментам и актуальным смыслам другой эпохи.

Среди факторов, определяющих политику современного Китая в ЮВА и ЮКМ, на наш взгляд, первостепенным является общая стратегия руководства КНР по приведению геополитического и геостратегического положения страны в соответствие с ее феноменальным экономическим ростом и все возрастающей военной мощью, включающей серьезное увеличение ее военно-морской составляющей. Такая стратегия, являющаяся сама по себе результатом осмысления китайским руководством вызовов, которые несет Китаю современная международная обстановка, с ее острой борьбой за предел мира, подразумевает расширение сфер влияния (в том числе и в мировом океане) формирующейся сверхдержавы. ЮКМ в этой стратегии отводится особая роль: «Страна, контролирующая Южно-Китайское море, станет главной морской державой в Восточной Азии» – считают эксперты по региону⁹.

В последние годы Азиатско-Тихоокеанский регион становится местом противостояния Китая и США куда США «возвращаются» с традиционной репутацией доминирующей державы в Тихом Океане и где сталкиваются национальные интересы этих двух держав. В Южно-Китайском море как части АТР противостояние Китая и США особенно очевидно: США здесь пытаются выступить в роли лидирующей силы, сдерживающей все возрастающее самоутверждение Китая, и оказывают разного наполнения поддержку странам, у которых с Китаем в ЮКМ накопился значительный «конфликтный» потенциал (Вьетнам, Индонезия, Филиппины). В интересах США также сделать напряженными отношения Китая и АСЕАН в целом, где как они надеются, не преодолен стереотип «китайской угрозы» прошлых лет.

В этом смысле весьма многозначительна статья Х. Клинтон «Искусство умной силы», где идет речь о «сдвигах в балансе мировых сил и обновлении международной системы, где свое место займут корпорации и картели при лидерстве США.

«США лидируют по новому, в духе нового времени, времени сложных проблем и ограниченных ресурсов» – говорится в статье госсекретаря США¹⁰.

А президент Обама, выступая на Восточноазиатском саммите (Бали) в 2011 г. (Обама – первый Президент США на подобном саммите), с одной стороны, говорил о растущем присутствии США в АТР; – («В АТР 21-го века США – целиком его составил часть»), а, с другой, подчеркнул центральную роль АСЕАН в региональных делах. Эксперты связали умение США устанавливать тесные отношения в сфере безопасности с ключевыми странами региона, учитывая их озабоченности относительно будущих намерений Китая, с новой концепцией Вашингтона под названием «умная сила», которую сформулировал Х. Клинтон в указанный выше статье¹¹.

Китай в противостоянии с США в ЮКМ выступает как современная крупная держава, действующая адекватно вызовам времени в борьбе за собственные национальные интересы.

В ЮКМ Китай не идет на прямую конфронтацию с США, но вступает с ними в соревнование за влияние на страны АСЕАН, через которое надеется укрепить свои позиции в регионе.

Поэтому асеановское направление китайской стратегии, важное само по себе, имеет выраженную антиамериканскую компоненту, обусловленную ролью, которую как представляется США определили для себя – главного соперника Китая в ЮКМ и регионе в целом.

Т.е. проще говоря, от позиции стран АСЕАН во многом зависит, займет ли Китай господствующее положение в ЮКМ. В некотором роде это довольно упрощенное представление перспективы, т.к. существует еще множество других важных факторов, влияющих на развитие и может быть окончательное решение головоломки ЮКМ.

Например, немаловажное значение в определении линии поведения Китая в ЮКМ имеет такая традиционная для китайской внешнеполитической культуры черта как ирредентизм, т.е. возвращение некогда утраченных территорий, независимо от срока давности утрат. Нелишне напомнить, что ставшая с 1680г. португальским владением территория Аомынь (Макао) в

1999г. была возвращена Китаю, а отторгнутый Англией в XIX в. Сянган (Гонконг) вернулся под суверенитет Китая в 1997 г. Архипелаги Парасельский и Спартли, водные пространства вокруг них, а также не относящиеся к ним острова, объявляются Китаем издавна находящимися под его неоспоримым суверенитетом, а в качестве аргументов приводятся первооткрывательство, наименование, осуществление юрисдикции, эксплуатация и т.д. Свой суверенитет Китай распространяет и на территории в ЮКМ, которые уже находятся под юрисдикцией других претендентов, Вьетнама, Тайваня, Филиппин, Малайзии и Брунея.

Китай полон решимости со временем вернуть под свой суверенитет Тайвань – эту «взбунтовавшуюся» в глазах Пекина провинцию, которую уже сегодня большинство стран признают неотделимой частью материкового Китая и в своих отношениях с Китаем официально отказываются от т.н. концепции «двух Китаев».

Тайваньский фактор, таким образом, играет немаловажную роль в определении позиции Китая в ЮКМ, господствующее положение в котором с точки зрения Пекина должно обеспечить ему возможность оптимальным способом решить эту проблему в свою пользу. Для Китая с геостратегической точки зрения ЮКМ является пространством, обеспечивающим его выход через Малаккский пролив в Индийский океан, а через Тайваньский пролив – в Тихий. Пристальное внимание Китая к ситуации в ЮКМ в связи с активизацией США в регионе объясняется его стремлением не допустить того, что в Пекине называют «окружением Китая».

Такой подход в первую очередь имеет в виду контроль над морскими путями и возможность блокирования союзных с Тайванем сил, по преимуществу США, готовых оказать необходимую поддержку Тайбэю. В этой связи Председатель КНР Ху Цзиньтао в декабре 2011 г. обратился к китайским военноморским силам с призывом «произвести соответствующую подготовку к вооруженным действиям, чтобы гарантировать национальную безопасность и мир во всем мире»¹².

Широко известны и другие характеристики Южно-Китайского моря, которые делают его жизненно важным для Китая и его соседей с геостратегической, торговой

экономической и др. точек зрения.

Морские пути, имеющие стратегическое значение – важная характеристика ЮКМ. С торгово-экономической точки зрения море представляет большую ценность для Китая, т.к. 65% энергоносителей Китай получает из других регионов мира по его торговым путям. Кроме того, само ЮКМ высоко ставится экспертами с точки зрения его «экономической ценности»: как полагают, оно богато нефтью, газом, минералами и рыбными ресурсами. Китай же, как страна со стремительно развивающейся экономикой, остро нуждается в энергоносителях и ищет их новые источники.

В 2009 г., когда Китай обошел Японию и стал второй экономикой в мире, он стал и вторым (после США) потребителем нефти и ожидается, что к 2030 г. это потребление удвоится, что поставит его на 1-ое место в мире по этому показателю. ЮКМ является одним из источников, на которые рассчитывает Китай, диверсифицируя энергопоставки и стремясь снизить зависимость от импорта¹³. Из сказанного ясно, что преобладание в ЮКМ становится жизненно важным императивом внешней политики Китая.

Документы, принятые такими ведущими государственными структурами КНР, как Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП) в марте 2012 г., а также Всекитайский комитет Народного политического консультативного Совета Китая (ВК НПКСК), свидетельствуют о том, что, как подметили наблюдатели, в китайской правящей элите сложился консенсус относительно защиты и расширения «морских интересов страны». Стремление и решимость элиты защищать интересы Китая в морях Восточной Азии очевидны. – отмечал профессор и координатор программы по Китаю в школе международных исследований им.С. Раджаратнама Ли Минцзян¹⁴.

В то же время Премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао в докладе ВСНП в качестве приоритета внешней политики Китая назвал улучшение отношений с соседями по региону.

Таким образом, курс КНР в ЮКМ в настоящее время можно рассматривать как сумму, равнодействующую взаимосвязанных направлений – защита «неоспоримого суверенитета» над территориями и водным пространством ЮКМ и одновре-

менно обеспечение лояльного отношения соседей, включая соперников в вопросе о суверенитете в ЮКМ. Нечего и говорить, что одновременное проведение в жизнь этих двух направлений чрезвычайно трудная задача.

Задача тем более сложная, что внутри китайской элиты, особенно ее военного сегмента, все чаще звучат голоса об ужесточении морской политики, чтобы уже к 2020 г. превратить Китай в сильную морскую державу¹⁵.

Депутат ВСНП, генерал-майор Мо Юань предложил в морской политике действовать в пяти направлениях: усиление административной юрисдикции, правовое обоснование территориальных претензий, увеличение военного присутствия, стимулирования экономической деятельности, совершенствование умения воздействовать на международное мнение (о Китае)¹⁶

Настроения безотлагательности жестких мер в морской политике Китая находятся, как говорилось, в известном противоречии с курсом правительства на развитие добрососедских отношений со странами АСЕАН, включая участников территориального спора в ЮКМ. Это создает дилемму, с которой имеет дело нынешнее и идущее ему на смену руководство КНР.

Все вышесказанное напрямую подводит нас к вопросу о правящей элите Китая и ее отношению к проблемам ЮКМ.

Из всех факторов, формирующих развитие Китая во всех сферах и направлениях, включая обострившиеся в последнее время территориальные проблемы на море, нет более важного как справедливо подчеркивают эксперты, чем способность его лидеров эффективно править.¹⁷

Историческая практика и реальность показывают, что Китаю эпохи Дэн Сяопина и после него с руководителями везет. Феноменальный подъем Китая приходится на годы правления харизматичного Ху Цзиньтао и его коллегу Вэнь Цзябао, которые успешно вместе с членами их команды справлялись с монументальной задачей управления страной, не взирая на ее размеры, многочисленное население, неодинаковость составляющих страну частей и традиционную силу регионализма.¹⁸ То есть, пользуясь терминологией российского ученого А. Фурсова историка, социолога, можно сказать, что в Китае есть «субъект стратегического действия» в лице сильной правящей

элиты, которую отличает понимание мировых процессов и места Китая в них. В новой исторической обстановке, требующей адекватного ответа на новые вызовы, китайские лидеры продолжали дело Дэн Сяопина, у которого можно было научиться многому: он, как полагают эксперты, обладал умением балансировать между группировками, умел находить компромисс со своими критиками, и создавал пространство для консенсуса, который обеспечивал единство в руководстве¹⁹.

Сейчас, в период смены руководителей после XVIII съезда КПК актуальными становятся все эти качества власти и необходимость обеспечения преемственности руководства.

Политика Дэн Сяопина в отношении Южно-Китайского моря сводилась к следующему: «Суверенитет наш, отложить споры, проводить совместное развитие», и в августе 2011 г. Председатель КНР Ху Цзиньтао подтвердил свою приверженность этой линии²⁰.

Китайские руководители на самом высоком уровне не раз заявляли и продолжают заявлять о своей готовности вести совместную эксплуатацию ресурсов Южно-Китайского моря, но при условии признания суверенитета Китая над «спорными» островами.

Такой подход к отношениям с соседями и участниками спора о суверенитете над островными территориями отражает концепцию «мягкой и твердой силы», которую Китай применяет в своей политике в регионе.²¹

В 2006 г. Генсек ЦККПК и Председатель КНР Ху Цзиньтао утверждал, что подъем статуса и влияния Китая будет демонстрироваться через твердую и мягкую силу, с акцентом на мягкой силе как практической задаче внешней политики КНР, которая черпает инструментарий «мягкой силы» из культуры, дипломатии, политики и экономики²².

В период азиатского кризиса 1997-98 гг. Китай буквально спас регион от катастрофы, проводя умную финансовую политику, чем заслужил репутацию «конструктивного партнера» в глазах соседей.

В 2002 г. Китай и АСЕАН подписали Декларацию о поведении сторон в Южно-Китайском море (ДОС). В октябре 2003 г. Китай подписал Совместную Декларацию с главами го-

сударств/правительств АСЕАН о Стратегическом партнерстве во имя мира и процветания, и в том же году присоединился к Договору АСЕАН о дружбе и сотрудничестве в ЮВА (ТАС). В 2010 г. начало действовать подписанное ранее Соглашение о зоне свободной торговли между КНР и АСЕАН (CAFTA).

Как было сказано, важные для Китая нормальные отношения со странами АСЕАН, сами по себе, безусловно рассматриваются правящей элитой через призму его отношений с США: в этом смысле политика мягкой силы должна быть преобладающей, хотя примеров применения «твердой силы» по отношению к тем же Филиппинам и Вьетнаму, несмотря на оказываемое им американское покровительство, тоже достаточно много²³.

Примером политики мягкой силы может служить поведение Председателя Ху Цзиньтао, который последовательно проводя линию на вовлечение в китайскую орбиту народов Азии, в речи на экономическом форуме в Боао (о.Хайнань) в апреле 2011 г. делал акцент на «общности трудолюбивых и мудрых народов Азии».

«Являясь одной большой семьей, мы боролись плечом к плечу и преодолели вместе немало испытаний – заявил он. Вместе мы, азиаты, сможем внести еще больший вклад в мировое развитие». Ху Цзиньтао подчеркнул, что «развитие Китая невозможно без Азии, а Азии нужен Китай», а также напомнил, что КНР хоть и стала второй экономикой мира, по-прежнему остается развивающейся страной, а потому как никто другой понимает нужды и чаяния развивающегося мира.

Ху Цзиньтао, пообещал выстраивать со всеми равноправные отношения, помогать дешевыми китайскими кредитами и колоссальными инвестициями, а заодно *решать территориальные проблемы с соседями исключительно мирным путем*. Слушавшие выступление Ху Цзиньтао в Боао воспринимали его, по словам наблюдателей, как неформального лидера региона, главного в большой азиатской семье, о которой говорил китайский руководитель, что очевидно, также входило в его задачу «создания нужного образа в глазах нужных людей»²⁴.

Одновременно министр иностранных дел КНР Ян Цзечи на этом же форуме в Боао во время встречи с генеральным сек-

ретарем АСЕАН Сурином Питсуваном высказался за «продвижение практического сотрудничества, внедрение инициатив, реализацию целей сотрудничества, выдвинутых лидерами КНР и АСЕАН, сохранение благоприятной тенденции к всестороннему развитию стратегического партнерства между Китаем и АСЕАН»²⁵.

Из выступлений Ху Цзиньтао и Ян Цзечи можно было понять, что в Китае сегодня не считают морские территориальные проблемы главными во взаимоотношениях со странами АСЕАН, а готовы подчинить их более важным с точки зрения Пекина аспектам двустороннего стратегического партнерства, которое включает тесное торгово-экономическое сотрудничество.

Сами страны АСЕАН, для которых Китай является важным торговым партнером, учитывают прогнозы авторитетных специалистов, которые указывают на сокращение доли США в мировом ВВП, и наоборот, рост доли Китая, который, по прогнозам, по этому показателю в течение десяти лет обгонит Америку.

«Если Китай сможет поддерживать высокие темпы прироста ВВП за счет роста внутреннего потребления, то можно с уверенностью сказать, что в течение 5-8 лет он станет ядром всей финансовой системы мира. Это создает благоприятные условия для всех стран Азиатского региона, которые смогут выстроить инфраструктуру и смежные производства вокруг «китайского чуда» – считают эксперты²⁶.

Поэтому страны АСЕАН, сравнивая роль китайского и американского факторов в ЮВА и приветствуя возвращение США в регион, не совсем уверены в долгосрочности американских обязательств, учитывая финансовые и другие проблемы США. Это не может не способствовать их позитивному восприятию Китая в регионе. Так считает работающий в Институте изучения ЮВА в Сингапуре (ISEAS) Ян Стори²⁷.

В политике, которую Китай проводит в отношении АСЕАН, ставя целью утвердить свою незаменимость в качестве надежного партнера, он старается на двустороннем уровне поддерживать и развивать особо дружественные отношения со странами, которые составляют стратегическую основу АСЕАН

–Сингапуром, Малайзией, Индонезией.²⁸

Премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао во время встречи в Пекине в апреле 2011г. с бывшим премьер-министром Сингапура, старшим государственным министром Го Чок Тонгом подчеркнул заинтересованность Китая в АСЕАН и на «фоне сложной региональной и международной ситуации с точки зрения перспективы и со стратегической высоты укреплять политическое и стратегическое взаимодоверие, и дальше активизировать двусторонние связи, защищать общие интересы, содействовать миру, стабильности и процветанию в Восточной Азии».

Го Чок Тонг заверил в готовности Сингапура укреплять прагматичное взаимодействие с Китаем в различных сферах и продвигать дружественные отношения между двумя странами²⁹.

Министр иностранных дел КНР Ян Цзечи 9-13 августа 2012 г. нанес официальные визиты в Индонезию, Бруней и Малайзию, где обсудил с представителями этих стран вопрос Южно-Китайского моря. Обращает на себя внимание, что китайская сторона, как и на прежних встречах вела речь о «всецелом и эффективном претворении в жизнь «Декларации действии сторон в Южно-Китайском море», но не поднимала вопрос о необходимости юридически обязывающего «Кодекса».

Ян Цзечи подчеркнул, что Китай обладает достаточными историческими и правовыми основаниями, чтобы заявлять о своем суверенитете над островами Наньша и прилегающей к ним морской акваторией, подчеркнул необходимость прямых переговоров вовлеченных в спор сторон, что является «важным принципом и духом «Декларации» и консенсусом стран, подписавших этот документ. Индонезия, Бруней, Малайзия и Китай считают, что этого консенсуса необходимо строго придерживаться. «Мы против того, чтобы вопрос Южно-Китайского моря становился международным или региональным» – отметил Ян Цзечи³⁰.

Находясь в Пномпене для участия в заседании глав МИД в рамках Регионального Форума АСЕАН (ARF) 10 июля Ян Цзечи встретился с министром иностранных дел Малайзии Анифакхом Аманом. Китай уделяет особое внимание развитию страте-

гического сотрудничества с Малайзией как одним из важных членов АСЕАН и крупнейшим торговым партнером Китая в рамках АСЕАН в последние 4 года. В ходе встречи Анифах Аман говорил о надежности Китая как партнера для Малайзии, подчеркнув, что развитие и могущество Китая благоприятствует Малайзии³¹.

Содержание китайско-малайзийской встречи на уровне высших дипломатов обеих стран свидетельствует о том, что Китаю удастся найти взаимопонимание с рядом стран АСЕАН, в том числе среди участников спора за острова, в выстраивании приоритетности проблем их взаимоотношений. Китаю удастся вести дело так, что морские вопросы при всей их важности не мешают главному, что способствует взаимовыгодному развитию Китая и его соседей из АСЕАН.

С Таиландом, с которым у Китая нет пограничных проблем ни на суше, ни на море, традиционно хорошие отношения.

В апреле 2012 г. премьер-министр королевства Йинглак Чинават была с визитом в Китае, в ходе которого две страны установили новый уровень всеобъемлющих отношений стратегического сотрудничества и партнерства, утвердили рассчитанный на следующие пять лет план совместных действий по стратегическому сотрудничеству, договорились об укреплении сотрудничества в четырех важных сферах: скоростных железных дорог, водного хозяйства, чистых энергоносителей и образования, что открыло новое пространство для развития китайско-тайландских отношений.

В 2012 г. Таиланд становится страной-координатором отношений Китай – АСЕАН.

Цзя Циньлинь – председатель ВКНП КСК во время визита в Таиланд сообщил, что в Китае в ходе реализации 12-го пятилетнего плана ожидается колоссальный всплеск инвестиционного и потребительского спроса, что предоставит широкие коммерческие возможности для всех стран АСЕАН, включая Таиланд.

В результате усилий обеих стран в 2011 г. Таиланд стал вторым по величине торговым партнером Китая среди стран АСЕАН³².

В июне 2012 г. Китай выступил с еще одной важной иници-

циативой, нацеленной на укрепление сотрудничества с АСЕАН. На проходящем в Пекине экономическом форуме дипломатов посол Китая в АСЕАН Тун Сяолин 13 июня 2012 г. заявила, что китайская сторона намерена укрепить сотрудничество с АСЕАН в 5 крупных направлениях, таких как стратегические контакты на высоком уровне, налаживание взаимосвязей, практическое сотрудничество на море, взаимосвязанное сотрудничество в разных сферах, социальные и гуманитарные обмены, с тем чтобы повысить уровень двусторонних отношений стратегического партнерства.

При этом, как подчеркнула посол, Китай настаивает на надлежащем урегулировании двусторонних противоречий и разногласий путем дружественных консультаций во имя обеспечения здорового развития отношений дружбы и сотрудничества между Китаем и АСЕАН.

Китай готов продолжать усилия по претворению в жизнь Декларации действий сторон (ДОС) в Южно-Китайском море, совместно со странами АСЕАН обсуждать нормы действий в районе Южно-Китайского моря, продвигать практическое сотрудничество в области научных исследований и охраны окружающей среды на море, безопасности судоходства и проведения спасательных операций, борьбы с транснациональной преступностью на море, сообща защищать мир и стабильность в Южно-Китайском море, чтобы сделать Южно-Китайское море морем мира, дружбы и сотрудничества.

Тун Сяолин отметила, что на основе налаживания взаимосвязей на суше и в воздухе китайская сторона желает активно расширять взаимосвязи с АСЕАН на море, в этой связи Китай учредил фонд морского сотрудничества Китай–АСЕАН на общую сумму 3 млрд. юаней.

«Китай намерен совместно с АСЕАН надлежащим образом использовать данный фонд для налаживания сотрудничества по направлениям научных исследований и охраны окружающей среды на море, взаимосвязей, безопасности судоходства и проведения спасательных операций, морской экономики и аквакультуры, в целях формирования многоуровневой и многосекторной архитектуры сотрудничества на море Китай-АСЕАН», – сообщила китайский посол.

Одновременно она подчеркнула, что Китай желает практическим образом реализовать вторую 5-летнюю программу действий стратегических партнерских отношений с АСЕАН, обеспечивая достижение объема двусторонней торговли до 500 млрд долларов, обмен персоналом до 15 млн человек и другие конкретные цели на будущие 3-5 лет. Китайская сторона также готова расширять сотрудничество с АСЕАН в новых и высоких технологиях, новых источниках энергии, экономике чтобы двустороннее сотрудничество благоприятствовало строительству Сообщества АСЕАН, послужило устойчивому развитию Китая и стран АСЕАН и пошло на благо народам³³.

Из приведенного заявления китайского посла в АСЕАН ясно, что Китай по-прежнему предпочитает формат двусторонних встреч для урегулирования «морских вопросов», которые он старается «утопить» в массе других тем, где Китай объективно сильнее своих партнеров и более того – может один быть им полезен, в частности, в такой важной сфере, как строительство Сообщества АСЕАН, которое сталкивается с серьезными трудностями.

Китай при этом использует неодинаковость подхода стран АСЕАН к «морским вопросам» и предмету спора в ЮКМ и их полную неготовность, в том числе претендентов на островные территории в ЮКМ, действовать сообща.

«Единой позиции по ЮКМ нет» – писала газета «The Straits Times» 16 ноября 2011 г., освещая ход встречи в верхах АСЕАН на Бали и безуспешные попытки Филиппин добиться общего подхода стран АСЕАН в территориальном споре с Китаем.

На этот раз желанию Филиппин собрать воедино против Китая всех претендентов на суверенитет над островными территориями в ЮКМ воспротивилась Малайзия. «Китай правильно поступает, организуя семинары и рабочие конференции (workshops). Это позитивно. АСЕАН должна равняться на такой подход. Всякие другие форумы только усложняют дело» – заявил министр иностранных дел Малайзии в интервью AFP. Он также назвал «более конструктивным» пользоваться не имеющей юридической силы Декларацией поведения сторон в ЮКМ, «хотя критики называют ее беззубой». Камбоджа также

не присоединилась к позиции Филиппин в ходе Саммита на Бали³⁴.

Уже упомянутый Ян Стори, эксперт из Института изучения ЮВА в Сингапуре, автор книги «Юго-Восточная Азия и подъем Китая: в поисках безопасности» (2011 г.), в статье «АСЕАН – разделенный дом» пишет о невозможности объединенного ответа на претензии Пекина в ЮКМ из-за разных интересов стран-участниц АСЕАН. Особенно выразительным он назвал отсутствие какой-либо реакции АСЕАН на обострение противостояния Филиппин и Китая вокруг отмели Скарборо, начавшегося 10 апреля 2012 г., когда АСЕАН не только не оказала поддержки Филиппинам, но вообще обошла молчанием один из самых острых региональных споров с середины 1990-х гг. Из-за различия национальных интересов, включая разное представление о ценности их отношений с Китаем, страны АСЕАН демонстрируют полное отсутствие сплоченности и пассивность в ситуации в ЮКМ – заключает автор³⁵.

В том же духе высказалась индонезийская «Jakarta Globe» утверждая, что «единый фронт АСЕАН по ЮКМ не поможет никому и особенно Индонезии». Газета указала на границы «уступчивости» Китая, который уже пошел на компромисс, определив свою позицию формулой «отложить спор и приступить к совместному развитию». Дальнейшие его уступки невозможны, считает газета, ибо могут вызвать возмущение внутри страны³⁶.

«Поэтому, если АСЕАН станет оппонентом Китая в ЮКМ, он непременно ответит политически и экономически, что обернется серьезными экономическими потерями для АСЕАН, возможной ее маргинализацией, утратой ключевой роли (centrality) в интеграции в Восточной Азии, которая перейдет к Китаю...» - писал Нью Йорк Таймс в мае 2012 г.³⁷.

В целом, проводя стратегию укрепления позиций в ЮКМ, Китай, как представляется, все же предпочитает мягкие формы взаимодействия с АСЕАН, избегая излишне прибегать к жестким мерам, не желая портить сложившийся, как показано выше, в глазах некоторых стран АСЕАН его образ надежного и перспективного партнера.

Дипломатическим успехом Китая, где его опора на «мяг-

кую силу» дала незамедлительный результат, следует признать работу 45-ой встречи министров иностранных дел стран АСЕАН и других заседаний с их участием, а также участием партнеров по диалогу, которые проходили в Пномпене с 9 по 13 июля 2012 г. В речи Хун Сена, который на правах премьер-министра Камбоджи – очередной страны-председателя АСЕАН открывал встречу, не было упоминания «морских проблем» ЮКМ, из чего можно было сделать вывод, что они не входят в разряд первоочередных, стоящих перед АСЕАН. А в решении действительно острых проблем, поддержку АСЕАН может оказать Китай, как он уже неоднократно делал³⁸. Хун Сен говорил о проблемах продовольственной и энергетической безопасности, климатических изменениях, стихийных бедствиях, транснациональной преступности и терроризма, что в комплексе представляет угрозу для устойчивого социально-экономического развития и создания к 2015 г. сообщества АСЕАН.

Поэтому очень кстати оказалось выступление министра иностранных дел Китая Ян Цзечи, который в рамках встречи Китай–АСЕАН заявил, что китайская сторона намерена в соответствии с потребностями строительства Сообщества АСЕАН «модифицировать центр тяжести в сотрудничестве между Китаем и АСЕАН, чтобы двустороннее сотрудничество продвигалось согласованию со строительством Сообщества АСЕАН».

В числе первоочередных в этом контексте Ян Цзечи выделил такие направления взаимодействия между Китаем и АСЕАН, как торгово-экономическое и финансовое сотрудничество, продвижение «трехмерных» коммуникаций, углубление социально-гуманитарного обмена, а также расширение сотрудничества на море³⁹.

Тезис Ян Цзечи о желании Китая модернизировать сотрудничество с АСЕАН с учетом строительства Сообщества АСЕАН был особенно важен, т.к. отсутствие заключительного коммюнике в Пномпене вследствие раскола внутри Ассоциации по ЮКМ, был воспринят некоторыми наблюдателями как признак невозможности построить эффективное Экономическое Сообщество АСЕАН.

«Разброд по проблемам ЮКМ не способствует экономи-

ческой и торговой интеграции, в результате чего весь комплекс программ АСЕАН может «утонуть в ЮКМ» – говорилось в статье журнала Экономист⁴⁰.

Не однажды заявленное намерение китайской стороны участвовать в построении Сообщества АСЕАН можно понять как добровольное желание Китая взять на себя часть ответственности за успешное завершение регионального проекта, в осуществлении которого обозначились серьезные проблемы. Такое поведение Китая даже на фоне острой ситуации в ЮКМ должно улучшить его образ в глазах если не всех, то части стран АСЕАН. Америка, насколько известно, подобных обязательств на себя не брала.

Важно добавить, что еще до начала встреч министров иностранных дел АСЕАН в рамках 19-ой сессии Регионального форума АСЕАН (АРФ), представитель МИД КНР Лю Вэйминь на пресс-конференции 5 апреля 2012 г. заявил, что китайская сторона, как и прежде, будет твердо поддерживать ведущую роль АСЕАН в сотрудничестве стран Восточной Азии⁴¹.

Днем раньше, однако, он же заявил, что АРФ - не место для обсуждения вопросов, касающихся территориальных споров в ЮКМ⁴².

Тем не менее, министр иностранных дел Ян Цзечи именно в ходе 19-ой сессии АРФ изложил позицию китайской стороны по проблеме Южно-Китайского моря, которая осталась прежней. Ян Цзечи отметил, что суверенитет КНР над островами Наньша и прилегающей к ним морской территорией полностью подтвержден исторически и юридически. Одновременно с этим, учитывая сложность проблемы ЮКМ, китайская сторона неизменно предлагает «отложить» споры и осуществлять совместное освоение». Министр подчеркнул, что для проблемы ЮКМ ключевое значение имеют сохранение всеми сторонами сдержанности в соответствии с духом Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море, недопущение действий, способствующих расширению и усложнению споров и негативно влияющих на мир и стабильность...⁴³.

20 июля 2012 г. на пресс-конференции в Пномпене глава МИД Камбоджи Хор Намхонг обнарудовал шесть принципов, утвержденных министрами иностранных дел стран АСЕАН в

отношении вопросов в ЮКМ:

Во-первых, полностью претворять в жизнь «Декларацию действий сторон в Южно-Китайском море» и соответствующие заявления.

Во-вторых, реализовать последующие меры «Декларации о действиях всех сторон в Южно-Китайском море».

В-третьих, как можно скорее установить строгие правила поведения в Южно-Китайском море.

В-четвертых, строго соблюдать общепризнанные принципы и нормы международного права, включая Конвенцию ООН по морскому праву.

В-пятых, продолжать стремиться к проявлению сдержанности и выступать за отказ от применения силы.

В-шестых, продолжать стремиться к урегулированию споров на основе общепризнанных принципов и норм международного права, включая Конвенцию ООН по морскому праву.

Министры иностранных дел стран-членов АСЕАН выразили намерение проводить консультации по вопросам, связанным с вышеупомянутыми принципами, основываясь на Договоре о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии и Уставе АСЕАН⁴⁴.

Из содержания шести принципов, прежде всего, следовало, что основополагающим документом, «регулирующим» проблемы ЮКМ остается Декларация действий сторон в ЮКМ (ДОС). Это в полной мере соответствовало интересам Китая, которого устраивал этот не имеющий юридической силы, но согласованный с АСЕАН документ.

«Жэньминь жибао», излагавшая сообщение зам.министра иностранных дел КНР Фу Ин о работе китайских представителей на 19-ой сессии АРФ, заключила следующим образом: «Китайская сторона подчеркнула, что Декларация была совместно подписана Китаем и странами АСЕАН, все стороны должны совместно выполнять ее, обратное не будет способствовать взаимодоверию. Некоторые страны предложили начать обсуждение «Кодекса поведения в Южно-Китайском море», китайская сторона выразила желание тщательно рассмотреть данное предложение, чтобы, когда созреют условия, начать соответствующее обсуждение»⁴⁵. Приведенный текст в первую очередь

означает, что Китай чувствует себя полным хозяином положения, и время, когда «созреют условия» будет, скорее всего, определять он.

Успех Китая на встречах в Пномпене в июле 2012 г. означал пусть временное, но поражение США. Как говорилось, из-за отсутствия ЮКМ, согласованной позиции по ЮКМ АСЕАН не смогла опубликовать заключительного коммюнике – впервые за почти полувековую к этому моменту историю Ассоциации (1967-2012).

Госсекретарь Х. Клинтон, выступая на заседании министров иностранных дел стран ЮВА 12 июля 2012 г., не в первый раз заявила, что Вашингтон не будет принимать чью-либо сторону в территориальных спорах. «Тем не менее, мы заинтересованы в свободе навигации, сохранении мира и стабильности, уважении международного законодательства, беспрепятственной законной торговле в ЮКМ» – говорится в тексте выступления Х. Клинтон на Региональном форуме АСЕАН⁴⁶.

Наблюдатели отметили, что Х. Клинтон в последнее время занимает более мягкую и дружелюбную позицию в отношении Пекина. Она даже признала, что территориальные споры должны решаться самими участниками, «насколько это возможно». Х. Клинтон также призвала продолжать работу над «Кодексом поведения в ЮКМ» «во избежание споров и конфронтации»⁴⁷. Китай же, как не раз говорилось, сопротивляется внешнему вмешательству в деле ЮКМ и не проявляет стремления «ускорить» разработку юридически обязывающего «Кодекса», предпочитая иметь дело с не имеющей юридической силы «Декларацией».

Для уяснения американской позиции следует подчеркнуть, что еще до начала 13 июля в Пномпене 19-ой министерской встречи, в которой приняли участие американская и китайская делегации, помощник госсекретаря США по вопросам АТР Курт Кэмпбелл в Центре стратегических и международных исследований в Вашингтоне 27 июня заявил, что США прилагают большие усилия для создания эффективных, стабильных, долгосрочных отношений с Китаем, США не намерены развертывать опасную стратегическую конкуренцию с Китаем.

Хотя между США и Китаем существуют разногласия и в некоторых областях конкуренция между странами неизбежна, – отметил Кэмпбелл, но Вашингтон уже принял решение во время предстоящей министерской встречи АРФ вновь подчеркнуть важность создания эффективных, стабильных и долгосрочных двусторонних отношений с Китаем. США готовы совместно с Китаем прилагать усилия для содействия миру и процветанию в Юго-Восточной Азии⁴⁸.

Таким образом, помимо мер, предпринимаемых Китаем для самоутверждения в ЮВА и ЮКМ, есть ряд объективных обстоятельств, которые складываются в регионе в его пользу. Некоторых из них, а именно разного поведения стран АСЕАН, в том числе участниц морского территориального спора, мы коснулись выше.

Однако, прежде всего к числу этих «благоприятствующих» обстоятельств, как ни парадоксально, относится китайская политика самих США в регионе, которая в некотором смысле имеет свои ограничители: США при всей их военно-морской мощи и союзнических отношениях с рядом стран ЮВА, не готовы к конфронтации, тем более вооруженной с Китаем в ЮКМ, а, наоборот, в отношениях с Пекином пытаются не выходить за пределы формата партнерства. Соперничество же в ЮКМ и зоне АСЕАН порой принимает «скрытые» формы.

Объясняется это отчасти тем, что отношения Китая и США за последние десятилетия претерпели значительную эволюцию. Одними из первых, кто обратил внимание на перемены в отношении США к Китаю были американские авторы М. Абрамович и С. Босворт, опубликовавшие в 2003 г. статью в авторитетном журнале «Форин Аффферс».

«Отношение США к Китаю особенно резко изменилось после 11/9 2001 г, когда Китай из стратегического соперника стал быстро становиться партнером по обеспечению безопасности и превратился в главного торгового и инвестиционного партнера США»⁴⁹.

В последние годы при отсутствии открытой конфронтации эти качества «сотрудничающих партнеров» продолжали оставаться в американо-китайских отношениях наряду с отчет-

ливо проявившимся элементом соперничества в АТР и ЮКМ. Проявлением американско-китайского соперничества в АТР стало формирование грандиозного проекта под эгидой США под названием Транстихоокеанское экономическое (стратегическое) партнерство – (ТРП).

О членстве в нем или желании присоединиться заявили многие страны, ныне партнеры Китая, в том числе Малайзия, Сингапур, Бруней, Вьетнам, Япония, Австралия, Новая Зеландия и ряд других стран, и конечно, США.

США, которые как считают, пользуются отсутствием Китая в ТРП, которое случилось не без их участия, рассматривают этот проект как геополитический инструмент сдерживания соперника.

«Но Китай играет слишком важную роль, чтобы можно было его игнорировать и он очень большой, чтобы поддаться сдерживанию» – писала газета «The Straits Times» (21.12.2011). «Сдерживание или игнорирование Китая через ТРП неразумно и нереалистично. Китай нужно привлечь к ТРП как можно скорее» – заключила газета.

О том, что Китай готов к радикальному повороту в сторону конструктивного сотрудничества в регионе говорит статья в «Жэньминь жибао», отражающая скорее всего официальный подход к проблеме. Заранее можно сказать, что этот поворот, если состоится, не нанесет ущерба национальным интересам Китая. «АТР – это регион, где интересы Китая и США переплетаются в наибольшей степени и взаимодействие между ними осуществляется чаще всего.

Об этом 5 июля 2012 г. заявил замминистра иностранных дел КНР Цуй Тянькай, выступая в Азиатском обществе Сянгане с речью на тему «Положительное взаимодействие Китая и США в АТР»...

«Путь построения Китаем и США отношений нового типа между державами должен начинаться с АТР, для развития и стабильности которого политика двух стран имеет важное значение» – сказал китайский дипломат. Он подчеркнул, что Китай и США должны вместе прилагать усилия к поиску Нового пути сотрудничества и взаимовыгоды. По его словам стороны уже достигли важного консенсуса по способу сосуществования

в АТР, который закреплен в китайско-американском совместном заявлении, во время визита председателя КНР Ху Цзиньтао в США в январе 2011 г.».

Для претворения в жизнь достигнутого консенсуса Цуй Тянькай выдвинул предложение, состоящее из 4 пунктов: во-первых, Китай и США должны культивировать доверие друг к другу; во-вторых, необходимо наращивать динамику откровенных контактов; В-третьих, Китай и США должны расширять сферы сотрудничества; в-четвертых, две страны должны предельно минимизировать и взять под контроль имеющиеся расхождения⁵⁰.

Тенденции к сотрудничеству вместо конфронтации Китая и США в АТР уловил зам.директора Института внешней политики и стратегических исследований при Дипломатической Академии Вьетнама Чинь Динь Ле, который в соавторстве с другим экспертом, опубликовал статью где проводил мысль о США и Китае в АТР не просто как о двух соперничающих силах, но двух державах, которые обязаны стать партнерами в решении вопросов в интересах региона в целом. Для ЮВА это такие транснациональные задачи, как управление водными ресурсами (проект Меконг), противостояние климатическим изменениям, экология, – все эти мегапроекты требуют американо-китайского сотрудничества⁵¹. Возможно, опасаясь кондоминиума двух сверхдержав, авторы предупреждают США и Китай соблюдать в своей деятельности «меру, чтобы малые страны не обратились к другим игрокам региона, например Индии с ее доктриной «Взгляд на Восток». «Эра силового соперничества закончена. Наступило время справедливых и взаимовыгодных союзов, а не навязанных форм зависимости» – заключают авторы⁵².

Наивная на первый взгляд концепция, тем не менее, получила развитие в разных вариациях в подходах других западных экспертов к проблеме решения споров в ЮКМ.

Роберт Бекман, директор Центра международного права и профессор факультета права Национального университета Сингапура, на примере китайско-филиппинского спора вокруг от-мели Скарборо тоже пытался поставить вопрос о возможности сотрудничества в ЮКМ как способа уйти от риска конфронта-

ции.

Автор, ссылаясь на существующее морское право, утверждает, что факт нахождения рифа в границах 200-мильной исключительной экономической зоны Филиппин не дает Филиппинам права на суверенитет над этой морской территорией. Согласно морскому праву также не имеет значения, что риф находится внутри пространства, обозначенного Китаем 9-ю точками на его знаменитой карте «суверенитета» в ЮКМ. Все варианты потенциальных договоренностей, включая китайскую формулу «отложить спор о суверенитете и заняться совместно эксплуатацией водного пространства», подразумевают признание обеими сторонами вопроса о суверенитете спорным. Китай же не согласен признавать вопрос о суверенитете спорным⁵³, что делает предлагаемую им формулу не действующей, а вопрос о суверенитете нерешаемым в рамках существующего морского права.

Ученые – специалисты по международному морскому праву Алан Чанг и Эмрис Чью предлагают оставить ситуацию в ЮКМ в состоянии статус-кво, объясняя свою позицию, как и предыдущий автор, невозможностью решить территориальный спор в рамках существующего международного права, которое часто называют нео-Вестфальской юридической системой.

«Пекин, Манила и остальные четыре претендента на острова в ЮКМ должны примирить свои истории, историческую память, которые питают их национализм в виде территориального суверенитета, с неформальной практикой, сложившейся в ЮКМ» – пишут ученые. Они считают, что состояние неопределенности, свойственное азиатской дипломатии, – это и есть альтернативный, «спасающий лицо» выход для всех сторон из запутанной ситуации, которую нельзя решить правовым путем. Обоснование такого подхода по их мнению можно найти в принципах «асеановского пути»⁵⁴.

Продолжение «двусмысленного статус кво» в ЮКМ, которое может включать совместную эксплуатацию ресурсов без акцентирования вопроса о суверенитете над «спорными» территориями как один из вариантов подхода конфликтующих сторон, рассматривает и упомянутый выше Кристофер Фриз⁵⁵.

Содержание китайско-американских отношений как от-

ношений партнеров – соперников с преобладанием соперничества над партнерством в глобальном измерении демонстрирует такой феномен как Пекинский и Вашингтонский консенсусы.

В контексте экономической экспансии и стратегии Китая по вовлечению азиатских стран независимо от их политической системы в экономическую орбиту Китая актуальным для наблюдателей, по крайней мере становится вопрос о «соревновании» двух консенсусов – Вашингтонского и Пекинского. Махатхир Мохамад, бывший премьер-министр Малайзии, много сделавший для превращения ее в развитое, технологически модернизированное государство, посетив Москву в марте 2011 г., сказал, что в наши дни, благодаря умению китайцев содействовать успешному экономическому развитию партнеров, можно говорить о том, что Пекинский консенсус идет на смену Вашингтонскому консенсусу и может (при определенных условиях) оказаться гораздо эффективнее его, тем более, что для растущих экономик рынка ЕС и США не кажутся такими привлекательными как раньше⁵⁶.

Вашингтонский консенсус это не что иное как либерально-монетаристская социально-экономическая модель, которая в наши дни переживает острейший кризис, подвергается критике со стороны видных экономистов как модель, механизм которой полностью исчерпан, но, тем не менее, продолжает навязываться другим странам в качестве нормы и эталона для развития по либеральному пути.

Китай же подает пример участия и контроля государства в росте экономики, и в этом его коренное отличие от Вашингтонского консенсуса.

Серьезность вызова, который бросает Западу «Пекинский консенсус» видна из внимания к нему со стороны западных экономистов и политологов как явлению, способному при определенных условиях приобрести глобальный масштаб. Результатом стала достаточно объемная и серьезная литература на эту тему.

О Пекинском консенсусе как феномене мировой экономики писал как автор этого термина – Джошуа Купер Рамо⁵⁷, так и автор термина «Вашингтонский консенсус» и апологет его либеральных ценностей – Джон Виллиамсон и многие другие⁵⁸.

Шаткость позиций критиков «Пекинского консенсуса» на фоне нынешнего масштабного кризиса либерального проекта видна из нижеприведенного отрывка из недавней работы автора термина «Вашингтонский консенсус» – Джона Виллиамсона.

«В то время, как Запад еще не уяснил для себя масштаб вызова, который идет от Китая и Пекинского консенсуса, я утверждаю, что этот консенсус едва ли будет доминировать в долгосрочной перспективе по двум причинам: первая – то, что он, представляя китайский опыт, подчеркивает важность содержания огромного госсектора, а не важность либерализации экономики.

Вторая причина – в то время, как авторитаризм может годиться для некоторых правителей, для большинства людей развивающегося мира он представляет Китай в плохом свете⁵⁹.

Оба тезиса Виллиамсона, развенчивающего суть пекинского консенсуса, нуждаются в более серьезной аргументации в период очевидного кризиса либеральной модели развития в мире, когда роль государства в том числе и в странах с развитой рыночной экономикой вынужденно возрастает, примером чему служат события последних лет в странах, относящихся к еврозоне и пытающихся спасти свою экономику отнюдь не рыночными средствами. В то же время некоторые азиатские страны с признаками авторитарности правления, в этих условиях развиваются относительно устойчиво.

Политика КНР в отношении стран ЮВА, ее позиция по ЮКМ, где китайцы отстаивают свои национальные интересы и «неоспоримый» суверенитет над островными территориями и водными пространствами – это Пекинский консенсус в действии, т.к. одним из важных смыслов Пекинского консенсуса является защита государственных границ в понимании Пекина. Время покажет, насколько состоятельна эта компонента Пекинского консенсуса.

Выводы

Подводя итог вышесказанному, автор приходит к следующим выводам.

Китай – стремительно развивающееся современное государство, а его правящая элита способна адекватно отвечать на

вызовы и решать задачи, которые ставит время.

В своей политике в ЮВА и ЮКМ Китай опирается на опыт непосредственных предшественников (Дэн Сяопин), развивая и приспособляя его к новым международным реалиям.

Используя инструментарий «мягкой и твердой силы», отдает приоритет «мягкой силе» в отношениях с соседями по региону и участниками спора из-за суверенитета над островными территориями ЮКМ.

В известной мере это дань традиции: древний китайский военачальник Сунь Цзы (6-5 в до н.э) в трактате о военном искусстве развивал идею «победы без боя» или стратегию «завоевывать умы неприятеля, а не его крепости».

Китай пытается вовлечь соседей по ЮКМ в свою экономическую орбиту, сделать торгово-экономическое «стратегическое» сотрудничество приоритетом двусторонних отношений, предлагая оставить решение территориальных морских вопросов на потом-следующим поколениям.

В противостоянии с США в ЮКМ шире – в ЮВА Китай не идет на конфронтацию, предпочитая оставаться в рамках партнерства, но и не отказывается от стратегии по усилению своих позиций в регионе. Среди факторов, определяющих политику современного Китая в ЮВА и ЮКМ, на наш взгляд, первостепенной является общая стратегия руководства КНР по приведению геополитического положения страны в соответствие с ее колоссальным экономическим ростом (Вторая экономика мира) и все возрастающей военной мощью, включая увеличение ее военно-морской составляющей.

Такая стратегия, будучи результатом осмысления китайским руководством вызовов, которые несет Китаю меняющаяся международная обстановка, подразумевает расширение сфер влияния формирующейся сверхдержавы.

Южно-Китайскому морю в этой стратегии отводится особая роль: как считают эксперты по региону, страна, контролирующая ЮКМ, станет главной морской державой в Восточной Азии.

¹ Исключение составил ориентированный на Китай Вьетнам, у кото-

рого, впрочем, впоследствии более чем на десятилетие (1979-1991) сложились такие конфронтационные отношения с Китаем, которых у Китая никогда не было с другими странами ЮВА.

См. Lucian W. Pye. *The China Factor in Southeast Asia. The China Factor. Sino-American Relations and the Global Scene.* Richard H. Solomon editor 1981. USA N.Y. p 216-217.

² Там же p 217-218

³ А.А. Бокшанин *Китай и страны Южных морей в XIV-XVI вв.* М. 1968 с 46. См. также Чжан Сюань *Мореходство в древнем Китае.* М. 1960

⁴ А.А. Бокшанин. *Ук.соч.* с.15

⁵ Truong Buu Lam. *Intervention versus Tribute in Sino-Vietnamese Relations, 1788-1790 The Chinese World Order* John K. Fairbank Ed. Cambridge, Massachusetts, 1968, p 165.

Китай спокойно смотрел на то, как такое островное государственное образование как Рюкю одновременно посылало даннические миссии Цинскому императору и Японии. Там же p.164.

⁶ Jay Taylor, *China and Southeast Asia. Peking's Relations with Revolutionary Movements.* N.Y. Wash.L: 1976 p.VII

⁷ Там же, p. XII.

⁸ «в китайском самосознании непрерывно сохраняются идущие из глубины веков представления о том, что вся ЮВА есть вассальное по отношению к Китаю сообщество государств, где только Китай может доминировать». Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития Выпуск XVII Юго-Восточная Азия 2010-2011 гг. М. 2011 с.9, 10/

⁹ Erik Beukel. *China and the South China Sea: Two Faces of Power in the Rising China's Neighborhood Policy* Diis Working Paper 2010: 07 Copenhagen, p.9.

¹⁰ H. Clinton «The Art of Smart Power». «New Statesman» 07.2012

¹¹ Christopher Freise *By Invitation, Mostly: the International Politics of the US Security Presence, China, and the South China Sea* RSIS Working Paper №247 28 august 2012.

¹² Поводом к необычно резкой для Ху Цзиньтао риторике послужил факт продажи Америкой оружия Тайваню на сумму почти в 6 млрд.долл., после чего Китай в сентябре 2011 усилил критику США за эту акцию которая «способна испортить военные связи двух стран» и затем перенес на более поздний срок визит адмирала Роберта Вилларда, командующего американскими военно-морскими силами в Тихом океане, а также отложил совместные американо-китайские учения по борьбе с пиратами и обмен в сфере военной медицины «The Straits Times» Dec.8.2011

¹³ Подр. См. L. Buszynski. *The South China Sea: oil, Maritime Claims and US-China Strategic Rivalry.* The Washington Quarterly. Spring 2012 p 141

¹⁴ Li Mingjiang. China is Rising Maritime Aspirations: Impact on Beijing's Good-Neighbour Policy. RSIS commentaries №053/2012 28 march 2012.

¹⁵ Li Mingjian op.cit.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Ellise Joffe. Ruling China After Deng The Journal of East Asian Affairs V.XI №1, 1997, p 183.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ M.Taylor Foravel «China's strategy in the South China Sea» Contemporary Southeast Asia №33 №33 (dec.2011) p 312.

²¹ Erik Beukel, op.cit. p16.

²² Li Mingjian, Soft power in Chinese Discourse: Popularity and Prospect. RSIS Working Paper №165, 1 Sept 2008 p.2.

²³ Классическим примером использования Китая одновременно и твердой и мягкой силы на двустороннем уровне в отношении партнеров из АСЕАН является китайско-филиппинская встреча в сентябре 2011г. Несмотря на напряженные отношения в связи с обострившимся территориальным спором, президент Филиппин Акино был приглашен в Пекин, где договорился о китайских инвестициях на сумму свыше 13 млрд.долл. Кристофер Фриз, приводя этот пример, делает вывод: Китай имеет возможность, если он захочет ее реализовать, использовать экономическую помощь и инвестиции в качестве рычага (потенциального) для решения вопросов, связанных с ЮКМ. Christopher Freise, op.cit.p.14.

²⁴ Коммерсант 16.04.2011

²⁵ 16.04.2011 Китайский информационный интернет центр по материалам Агентства Синьхуа

²⁶ http://expert.ru/2011/04/15/azia_stanovitsya-tsentrom_tyazhesti

²⁷ An Interview with Jan Story. ACEAN and South China Sea. Deepening Divisions. The National Bureau of Asian Research Policy QA July 16, 2012

²⁸ Об этих странах как стратегическом ядре АСЕАН см. Н.П. Малетин АСЕАН: четыре десятилетия развития М.2007 с.182.

²⁹ Жэньмина Жибао 19.04.2011.

³⁰ Жэньминь жибао 14.08.2012.

³¹ Жэньминь жибао 11.07.2012.

³² <http://Russian.news.cn/china/2012-04/22>

³³ <http://russian.cri.cn.841.2012.06.13> Агентство Синьхуа 2012-06-13

³⁴ The Straits Times Nov.16 2011.

³⁵ Подробнее см. IAN Storey, ASEAN is a House Divided Wall Street Journal, June14,2012.

³⁶ Jakarta Globe June13,2012; О том, что руководство в Пекине вынуж-

дено учитывать националистические настроения населения, для которого морская политика власти является особенно чувствительным сюжетом пишут и другие авторы «Если лидеры КНР будут идти за китайским народом, политика Пекина в ЮКМ и ЮВА в целом станут очень воинствующей» – заявил Ши Янхунг – профессор Народного Университета в Пекине.

³⁷ Там же.

³⁸ Международное радио Китая 14 июля 2012.

³⁹ Там же; Важное заявление Ян Цзечи о том, что Китай по сути дела намерен принять участие в строительстве Сообщества АСЕАН было конкретизацией инициативы Китая, о которой месяцем раньше рассказывал посол КНР в АСЕАН Тун Сяолин.

⁴⁰ Divided we stagger. Can Indonesia heal the deepening rifts in South-East Asia? The Economist Aug. 18.2012.

⁴¹ Жэньминь жибао 06.07.2012.

⁴² Sun Star, July 4, 2012.

⁴³ Международное Радио Китая 14.07.2012.

⁴⁴ Жэньминь жибао 12.07.2012.

⁴⁵ Жэньминь жибао 12.07.2012.

⁴⁶ Голос Америки 12.07.2012.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ <http://russian.cri.cn/841/2012/06/28/1s433013.htm> Международное радио Китая

⁴⁹ Morton Abramowitz and Stephen Bosworth. Adjusting to the New Asia. F.A. July/Aug. 2003 p. 125.

⁵⁰ Жэньминь жибао 06.07.2012.

⁵¹ Trinh Dinh Le and Cleo Paskal. Making elephants lighter on their feet. The World Today, Apr/May 2012 p 21.

⁵² Там же. На самом деле Индия уже играет важную роль в регионе.

⁵³ Robert Beckman Scarborough school: Flashpoint for Confrontation or Opportunity for Cooperation? RSIS №072/2012, 12 apr. 2012.

⁵⁴ Alan Chong and Emrys Chew Asian Diplomatic Ambiguity-Calming the South China Sea? RSIS Commentaries №078/2012, 3 may 2012.

⁵⁵ Alan Chong and Emrys Chew Asian Diplomatic Ambiguity-Calming the South China Sea? RSIS Commentaries №078/2012, 3 may 2012.

⁵⁶ Christopher Freise, op.cit.p13.

⁵⁷ РИА Новости март 2011г. Китайский мир каким он будет 21 апреля 2011 г. Пресс-Канцелярия Госсовета КНР обнародовала Белую книгу «Помощь Китая, предоставляемая другим странам»..., которая впервые дает всестороннее представление о политике, средствах способах, с применением которых Китай, будучи развивающейся страной, как подчеркивает его руководство оказывает помощь другим развивающимся

странам, продвигает сотрудничество «Юг-Юг» на условиях равенства и взаимовыгодах и без всяких политических условий.

В заключении книги отмечено, что Китай будет увеличивать инвестиции на предоставление помощи другим странам в целях поступательного экономического развития. Вместе с другими странами Китай будет способствовать строительству процветающего и гармоничного мира. <http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/> Китайский Информационный Интернет.

⁵⁸ Joshua Cooper Ramo, *The Beijing Consensus*, London, Foreign Policy Centre, 2004.

⁵⁹ Jonh Williamson. *Is the «Beijing Consensus» Now Dominant?* *Asia Policy* №13, jan. 2012; Stepan Halper, *The Beijing Consensus: How China's Authoritarian model will Dominate the Twenty-first Century*, New York, Basic Books, 2010.